

Я оставляю в стороне религиозно-философский смысл плюрализма. В религии он давно утвердился явственнее, чем в какой-либо другой области. Но вопрос о пределах и значении плюрализма в религии не есть вопрос познания, ибо и сама религия есть не познание, а переживание совершенно другого рода, к которому неприменимы познавательные критерии.

Париж—Прага, 1922 г.

Б. Н. ЧИЧЕРИН И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ¹

Речь, произнесенная в заседании Русского научного института
в Белграде

Б. Н. Чичерин представляется мне самым многосторонне образованным и многознающим из всех русских, а может быть, и европейских ученых настоящего времени.

Владимир Соловьев
(1897 г.)

1

Не может быть национального самосознания без исторической памяти. Мы должны поэтому блюсти нашу историческую память и памятовать о тех людях и делах, которыми одухотворялась и строилась русская общественность.

Говоря недавно перед белградской публикой об Аксаковых, я указывал на смешение кровей, из которого, как некий благородный плод, получились эти славные деятели русской литературы. То же мы встречаем в лице того великого русского ученого и общественно-государственного деятеля, столетие рождения которого мы сегодня справляем. Чичерины ведут свое происхождение от итальянца, приехавшего в Москву в свите Софии Палеолог, и в самом деле не было ли в суровой логичности и в нравственной негибкости Бориса Николаевича Чичерина чего-то подлинно римского?

Прежде всего несколько биографических данных о Б. Н. Чичерине. Точные даты его рождения и смерти таковы: 25 мая 1828 г. — 3 февраля 1904 г. В 1849 г. Б. Н. кончает Московский университет по юридическому факультету. В 1856 г. он получает степень магистра за сочинение "Областные учреждения в России" и в 1861 г. делается профессором государственного права в Московском университете — 28 октября этого исключительного в истории России года он читает свою исполненную глубочайшей нравственной серьезности и сознания торжественности исторического момента вступительную лекцию к курсу государственного права. В 1866 г. Чичерин закончил книгу, долженствовавшую явиться его докторской диссертацией, — "О народном представительстве", но еще ранее, в 1865 г., он от С.-Петербургского университета получает степень почетного доктора прав. В 1868 г. Чичерин оставляет Московский

¹ "Россия и Славянство", № 9, 26.I.1929.

университет в знак протеста против нарушения прав автономного университета. В 1869 г. выходит в свет том I его "Истории политических учений", последний V том которой появляется в 1892 г. В 1882 г. Чичерин избирается в городские головы города Москвы. В связи с коронационными торжествами 1883 г. Б. Н. произносит замечательную речь, сдержанную, умеренную, консервативную, но не понравившуюся реакционным силам, тогда возобладавшим, и Чичерин должен оставить свой пост. Он окончательно, до самой смерти, удаляется в частную жизнь. В 1893 г. Императорская академия наук избирает Б. Н. в свои почетные члены. В конце XIX и начале XX века за границей (в Берлине) появляется анонимно ряд публицистических произведений Чичерина, которые не могли тогда увидеть свет в России. Из них главнейшее: "Россия накануне 20-го столетия" — автор на заглавном листе назвал себя "русским патриотом".

Человек, родившийся в первой трети XIX века и доживший до начала XX века, Б. Н. Чичерин принадлежал к одному из самых блестящих поколений русской общественности. Напомним, что он был только на 10 лет моложе Александра II, И. С. Тургенева, М. Н. Каткова, К. Д. Кавелина и Ф. И. Буслаева, родившихся в 1818 г., на 8 лет моложе С. М. Соловьева, на 5 лет моложе И. С. Аксакова, на 2 года моложе М. Е. Салтыкова-Щедрина и родился в один год с гр. Л. Н. Толстым, с знаменитым историком русской литературы М. И. Сухомлиновым, с знаменитым химиком А. М. Бутлеровым, с знаменитым публицистом Н. Г. Чернышевским. Годом позже Чичерина родились физиолог И. М. Сеченов и историк К. Н. Бестужев-Рюмин, столетие которых исполняется в будущем, 1929 году. Я называю рядом с Б. Н. Чичериным И. М. Сеченова и К. Н. Бестужева-Рюмина не по чисто хронологической ассоциации. Первый по своему материалистически-позитивистическому мировоззрению представлял едва ли не прямую противоположность Чичерину, который был ближе к людям 40-х гг., чем к своим сверстникам, пятидесятникам и шестидесятникам. К. Н. Бестужев-Рюмин, наоборот, в своем духовном и научном развитии был связан с семьей Чичериных. Бестужев-Рюмин, который, как домашний учитель, провел два с половиной года в имении Чичериных "Караул" Кирсановского уезда Тамбовской губ., дает такой отзыв об отце Б. Н. Чичерина: "Главную прелесть составлял хозяин. Ум Николая Васильевича был один из редких широких умов, которому все доступно и который всегда избегает крайностей". В воспоминаемую Бестужевым-Рюминым пору Б. Н. Чичерин по летам жил в "Карауле", и однажды К. Н. пришлось провести там с ним целую зиму. В отцовском имении Чичерин "писал свою знаменитую (магистерскую) диссертацию", которую Бестужев-Рюмин читал еще в рукописи. Чичерин "был тогда вполне гегелист, да и после немного уступил: так, в 1855 году показывал он мне свою статью, в которой развиты были почти все главные основы его "Науки религии". Чичерин дал Бестужеву-Рюмину "Логику" Гегеля, и тот по ней составил конспект¹.

¹ См. Воспоминания К. Н. Бестужева-Рюмина в "Сборнике отделения Русского языка и словесности Имп. Академии Наук", т. 67 (1901), стр. 36—37.

Б. Н. Чичерин был современником четырех царствований: Николая I, Александра II, Александра III и Николая II. Он был ученый и общественный деятель; профессор Московского университета и городской голова города Москвы; историк и юрист; философ и обществовед. Его учено-литературная производительность была громадна. Труды Б. Н. Чичерина составляют целую библиотеку, его "История политических учений" до сих пор в мировой научной литературе — единственное, столь монументальное и столь многообъемлющее в своей области произведение. Как мыслитель "Б. Н. с изумительной энергией выполнял предположенную им философскую задачу. Для ее довершения он уже в преклонные годы посвятил несколько лет занятию высшей математикой и естествознанием, оставив и в этой области следы своей работы в виде нескольких специальных статей, предназначенных служить к подтверждению его философских взглядов. Столь законченного и разностороннего применения гегелевских начал не может указать и немецкая философская литература"¹.

Человек, созревший в крупную силу в конце 40-х и начале 50-х годов, Б. Н. Чичерин по университету — ученик прежде и больше всего Т. Н. Грановского, прочувствованной хвалой которому, производящей до сих пор сильнейшее впечатление, заканчивается вступительная лекция Чичерина в Московском университете².

Старшими соратниками и учителями по университету Чичерина — так же как и Бестужева-Рюмина — были К. Д. Кавелин, Н. В. Калачев, П. Г. Редкин и С. М. Соловьев.

Но Чичерин, как умственная величина, связан личным влиянием и соотношением и с людьми последующих поколений. Правда, в публицистике, т. е. журналистике, конца 50-х и 60-х гг. он был едва ли не одинок. Но в науке и философии ему и тогда и позже суждено было оказывать значительное влияние. Ближайшим учеником и соратником Чичерина был известный историк Московского университета, которого мне недавно пришлось вспоминать в нашей среде в связи с чествованием памяти великого французского мыслителя, критика и историка Ипполита Тэна. Я говорю о Владимире Ивановиче Герье. Он моложе Чичерина на 9 лет. Вдвоем Чичерин и Герье написали остроумный и основательный полемический трактат против народническо-экономических идей кн. А. И. Васильчикова, защитника и пропагандиста общины.

Личным знакомством и общением Чичерин был связан с Владимиром С. Соловьевым, который был на 25 лет его моложе, и с еще более молодыми мыслителями, кн. Сергеем и Евгением Николаевичами Трубецкими.

Несмотря на личное знакомство, весьма давнее, и на несомненное личное общение, Б. Н. Чичерин и Влад. Серг. Соловьев дважды довольно резко полемизировали. Впрочем, в 80-х гг. только Чичерин нападал

¹ П. И. Новгородцев в некрологе Б. Н. Чичерина, напечатанном в журнале "Научное Слово" за 1904 г.

² Напечатана в сборнике "Несколько современных вопросов". Москва. 1862, стр. 23—42.

на Соловьева по поводу его докторской диссертации "Критика отвлеченных начал", Соловьев же не отвечал Чичерину. В 90-х гг. они обменялись полемическими статьями, и резкость этой полемики поражает именно в 1897 г., когда оба, и Чичерин, и Соловьев, бывший ровно на 25 лет моложе Чичерина, стояли на вершине их прижизненной славы. Соловьев, отбивавшийся от нападений Чичерина, при всем своем почтении и к учености, и к политическим взглядам Чичерина, не скупился на насмешки, почти переходившие в издевки, которые этот, быть может, искуснейший в истории русской литературы полемист оправдывал в данном случае "состоянием необходимой обороны" в идейном, но не в личном смысле.

В лице Пав. Ив. Новгородцева, который был на 38 лет моложе Чичерина, последний протягивал руку своему отдаленному преемнику по юридическому факультету. С другой стороны, по гегелианству продолжателем Чичерина явился в наше время еще более молодой преподаватель Московского университета и доктор государственного права того же университета, автор едва ли не лучшей философской монографии о Гегеле *Иван Александрович Ильин*.

Наконец, позвольте одно личное воспоминание и признание. Последним представителем русской "радикальной" публицистики, скрестившим шпаги с "либеральным консерватором" Чичериным, был ваш покорнейший слуга. Это было сделано в статье, появившейся в 1897 г. и до сих пор являющейся едва ли не единственным опытом исторической оценки Чичерина как публициста и политика¹. В своем дальнейшем развитии я, полемизировавший с Чичериным "марксист" (никогда, правда, не бывший правоверным, а, наоборот, всегда являвшийся еретиком в марксизме), пришел в своих собственных путях к общественно-политическому мировоззрению, близкому ко взглядам покойного московского ученого.

Впрочем, в 1897 году либеральные элементы учения Чичерина встречали сочувствие и признание во всех прогрессивных кругах русского общества, и это нашло себе отражение и в моей, довольно задорно, по-молодому написанной полемической статье против Чичерина. Еще ярче это сочувствие выразилось в том некрологе Чичерина, который я поместил в "Освобождении" за 1904 г. (№ 18 от 3 марта).

III

Осмысливая культурное и государственное развитие России, мы видим в нем в своеобразном сочетании и переплетении две основные проблемы:

СВОБОДЫ И ВЛАСТИ.

Ради интересов государства государственная власть отчасти допустила, отчасти сама произвела закрепощение массы населения служилому сословию как носителю и орудию управления.

---

¹"Чичерин и его обращение к прошлому" в "Новом Слове" за 1897 г. Перепечатано в сборнике моих статей "На разные темы", Спб., 1902, стр. 84—120. В настоящем изложении я широко пользуюсь материалом этой статьи.

Так получилось граничившее с рабством русское крепостное право и сословное расчленение русского общества.

А в интересах сосредоточения государственной силы сложилась в России наименее, быть может, чем где-либо, ограниченная индивидуальными и групповыми притязаниями государственная власть, самодержавная монархия.

"Отличительная черта русской истории, — писал в 1862 г. Б. Н. Чичерин¹, — в сравнении с историей других европейских народов, состоит в преобладании начала власти. Со времени призвания Варягов, когда новгородские послы, ровно тысячу лет тому назад, объявили неспособность общества к самоуправлению и передали землю во власть чужестранных князей, общественная инициатива играла у нас слишком незначительную роль. Русский человек всегда был способнее подчиняться, жертвовать собою, выносить на своих плечах тяжелое бремя, на него возложенное, нежели становиться зачинателем какого бы то ни было дела. Только в крайних случаях, когда государству грозило конечное разрушение, народ вставал, как один человек, изгонял врагов, водворял порядок и затем снова возлагал всю власть и всю деятельность на правительство, возвращаясь к прежнему, страдательному положению, к растительному процессу жизни. Власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития, власть насильно насаждала просвещение, обнимая своєю деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта. Величайший человек русской земли — Петр Великий сосредоточивает в себе весь смысл нашей прошедшей истории. И теперь еще этот характер не изменился: правительству принадлежит инициатива и исполнение тех великих преобразований, которые составляют честь и славу нашего века".

Перед русской общественной мыслью с первых времен ее зарождения стали: 1) проблема освобождения лица и 2) упорядочение государственного властвования, введение его в рамки правомерности и соответствия с потребностями и желаниями населения.

Вот почему с тех пор, что возникла русская общественно-политическая мысль, она движется вокруг этих проблем, и движется, так сказать, по двум параллельным осям: по оси либерализма и по оси консерватизма. Для индивидуальных сознаний эти оси по большей части никогда не сближаются и не сходятся. Наоборот, по большей части они далеко расходятся.

Но были в русском духовном развитии яркие и сильные представители сближения и даже слияния осей либерализма и консерватизма. Суть либерализма как идейного мотива заключается в утверждении свободы лица. Суть консерватизма как идейного мотива состоит в сознательном утверждении исторически данного порядка вещей как драгоценного наследия и предания. И либерализм, и консерватизм суть не только идеи, но и настроения, точнее, сочетание сознанной идеи с органическим, глубинным настроением.

Особое место Б. Н. Чичерина в истории русской культуры и общественности определяется тем, что он представлял в ней самое законченное, самое яркое выражение гармонического сочетания в одном лице

---

¹ "Несколько современных вопросов", стр. 166.

идейных мотивов либерализма и консерватизма. Это сочетание не было и до Чичерина новостью в духовно-общественной истории России. На свой особый лад это идейное сочетание выступает перед нами в великой законодательнице XVIII века — Екатерине II. Своеобразное воплощение оно же нашло в величавой фигуре знаменитого деятеля четырех царствований, адмирала Н. С. Мордвинова (род. 1754 † 1845), и его же мы встречаем у двух великих деятелей нашей культуры и общественности, у зрелого Карамзина (род. 1766 † 1826), и созревшего Пушкина, и у того даровитого и блестящего писателя, который, будучи младшим другом-свойственником Карамзина и старшим другом-соратником Пушкина, пережил первого на 52, а второго на 41 год, у князя П. А. Вяземского (род. 1792 † 1878). Вяземский едва ли не первый для России вычеканил формулу "либеральный консерватизм", и притом именно в применении не к кому иному, как к самому Пушкину.

Но если Екатерина II должна была, по своему положению самодержавной монархини, быть преданной консерватизму и в последнюю эпоху своего царствования вела даже реакционную политику, если Н. С. Мордвинов, будучи в области политической либералом, в области социальной всегда оставался консерватором и, скажем прямо, "крепостником", если и Карамзин, и Пушкин, и, позже их обоих, кн. Вяземский утверждались в своем консерватизме по мере и в меру того, что они духовно созревали, то Чичерин, рано созревший, духовный строй которого почти сразу отлился в какую-то твердую и крепкую форму, был всегда "либеральным консерватором", или "консервативным либералом"¹. В общественно-политических взглядах Чичерина, конечно, наблюдается известное развитие. Выражаясь принятыми условными терминами политики, мы можем, пожалуй, сказать, что Чичерин с начала царствования Александра II по XX век "левет", но только потому, что, будучи добросовестным наблюдателем и отзывчивым участником исторического процесса, он воспринимал и осознавал этот процесс как процесс глубоких, коренных изменений.

IV

В эпоху великих реформ, в конце 50-х и начале 60-х годов, Чичерин поместился на крайнем правом фланге прогрессивного течения русской жизни. Он был тогда гораздо "правее" М. Н. Каткова, резко полемизируя в "Нашем Времени" Н. Ф. Павлова с "Современной Летописью" — катковского "Русского Вестника". Он смело выступил против Герцена в его же "Колоколе", выступил тогда, когда общественное мнение было за Герцена, и в этой полемике Чичерина с Герценом было гораздо больше идейного содержания, чем в позднейшей борьбе Каткова с издателем "Колокола"².

¹Так я охарактеризовал Чичерина еще в 1897 г. См. "На разные темы", стр. 86.

²Замечательное "Письмо к издателю "Колокола" было в нем напечатано в 1858 г. и перепечатано как "первый протест русского человека против направления этого издателя" в 1862 г. в сборнике "Несколько современных вопросов". Исторически любопытна и психологически характерна даваемая Чичериным как

Против Каткова Чичерин в ту эпоху отстаивал сословный строй аргументами реалистического консерватизма, твердо усвоившего себе, однако, известные начала либерализма.

Явно под влиянием знаменитого немецкого государствоведа, тоже гегельянца, Лоренца Штейна московский профессор в своем "охранительном либерализме", который он противопоставлял и "либерализму уличному", и "либерализму оппозиционному"¹, отпирался от реалистического тезиса, звучащего почти по-марксистски²: "Всякая политическая организация основана на распределении существующих в народе общественных сил".

Интересно и знаменательно, что против чичеринского направления, которое он сам признавал и характеризовал как "особенное направление в русской политической литературе" и в котором его противники видели "несчастную доктрину", приносящую "все... в жертву государству", доктрину, по которой "все исходит из власти и все возвращается к ней", — в русской публицистике той эпохи выступили не только "Современник" в лице самого Чернышевского и "Русское Слово" в лице совершенно ныне забытого публициста Гиероглифова, но и не кто иной, как главнейший публицист славянофильства Иван Аксаков. Юридическому историзму Чичерина Аксаков противопоставил исповедание естественного права³. Тут перед нами столкновение не только мировоззрений, не только мироощущений, но и темпераментов. Сейчас могут сказать, что Иван Аксаков был не прав, характеризуя общественно-политическое мировоззрение Чичерина как "несчастную доктрину", с точки зрения которой "нет места, вне порядка государственности, никакому свободному творчеству народного духа". Чичерин вовсе не был и в ту эпоху ослепленным глашатаем "мертвого государственного механизма", как утверждал Аксаков. Идеи порядка и свободы имели для Чичерина одинаковое обаяние.

современником характеристика герценовской публицистики. "В обществе юном, которое не привыкло еще выдерживать внутренние бури и не успело приобрести мужественных добродетелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднее, нежели где-либо. У нас общество должно купить себе право на свободу разумным самообладанием, а вы к чему его приучаете? К раздражительности, к нетерпению, к неустойчивым требованиям, к неразборчивости средств. Своими желчными выходками, своими не знающими меры шутками и сарказмами, которые носят на себе заманчивый покров независимости суждений, вы потакаете тому легкомысленному отношению к политическим вопросам, которое и так уже слишком у нас в ходу. Нам пужно независимое общественное мнение — это едва ли не первая наша потребность; но общественное мнение, умудренное, стойкое, с серьезным взглядом на вещи, с крепким закалом политической мысли, общественное мнение, которое могло бы служить правительству и опорой в благих начинаниях, и благоразумною задержкою при ложном направлении" (стр. 17—18). Для этой полемики сейчас уже вполне наступила история и историческая оценка, чего еще нельзя было сказать в 1897 г.

¹ См. статью "Различные виды либерализма" в сборнике "Несколько современных вопросов", стр. 185—201.

² Это неудивительно, ибо, как я показал в свое время, экономическое истолкование истории сложилось у Маркса под влиянием Лоренца Штейна.

³ Об этом см. в моей указанной статье о Чичерине, где приведены цитаты из Чернышевского, Гиероглифова и Ивана Аксакова.

"Общественное мнение, — писал он тогда, — не бюрократия, обязанная исполнять и поддерживать данные ей предписания; это — самостоятельная сила, выражение свободной общественной мысли. Охранительная партия в обществе может выразить одобрение только тому, что согласно с ее собственными началами. В ней не найдут сочувствия ни реакция, ни заискивание популярности, ни подавление свободы, ни скороспелые нововведения. Но она не станет легкомысленно ополчаться на власть; подрывать ее кредит, глумиться над мелочами, упуская из виду существенное, поднимать вопль во имя частных интересов, забывая общую пользу. Охранительная партия, преимущественно перед другими, должна быть готова поддерживать власть, когда это только возможно, потому что сила власти — первое условие общественного порядка"¹.

V

Утверждая, что "исторические начала всегда служат для охранительной партии самую твердую точку опоры", Чичерин в то же время хорошо понимал, что "исторические начала изнашиваются, слабеют, теряют прежнее свое значение" и что поэтому "держаться их во что бы то ни стало, при изменившихся обстоятельствах, при новом строении жизни, — значит лишать себя всякой надежды на успех... Если старый камень силою векового трения обратился в песок, безумно утверждать на нем здание"². Чичериным и тогда владела одна—"единственная" и основная мысль либерального консерватизма: "сочетание порядка и свободы в применении к историческому развитию и современным потребностям"³.

Консервативный либерализм Чичерина, чуждый и народнической сентиментальности Кавелина⁴, и позднейших мнимо консервативных крайностей Каткова, не имел ни тогда, ни позже никакого успеха ни в правящих сферах, ни в общественном мнении. Правда, в Петербурге в 60-х годах в бюрократических кругах иногда превозносили московского государствоведа, называя его *le grand*⁵ Чичерин⁶, но там никогда не следовали всерьез за его указаниями в их полноте и по их духу.

В царствование Александра II Чичерин совершенно определенно в интереснейшей рукописной записке, подлинник которой в начале XX в. я держал в своих руках, категорически высказался в пользу русско-польского примирения и никогда не одобрял антипольской политики русского правительства. В таком же духе гораздо позже он выступил с критикой и осуждением антифинляндской политики царствования Александра III и Николая II⁷.

¹ "Несколько современных вопросов", стр. 168—169.

² Там же, стр. 155.

³ Там же, стр. 7—8.

⁴ У Кавелина было сильнейшее отталкивание от Чичерина, которого он в своих письмах презрительно называл "квадратной головой", но, конечно, Чичерин и умственной силой, и знаниями неизмеримо превосходил Кавелина.

⁵ великий, выдающийся (*фр.*).

⁶ См. "Ив. Серг. Аксаков в его письмах", ч. II, т. 4. Спб., 1896, стр. 244. Приведено в моей статье о Чичерине.

⁷ Указания на эту записку и извлечения из нее можно найти у Барсукова в огромном своде фактов из духовной и общественной истории России, опубликованном под названием "Жизнь и труды М. П. Погодина".

В эпоху Лорис-Меликова Чичерин составил записку, в которой рекомендовал власти конституционную реформу. К этому же сводится и основной смысл его с присущим ему блеском написанного произведения "Россия накануне 20-го столетия", изданного на рубеже этого столетия в Берлине и явившегося как бы политическим завещанием знаменитого русского государствоведа.

Вообще историческую позицию Чичерина можно изобразить так: поскольку он верил в реформаторскую роль исторической власти, т. е. в эпоху великих реформ, в 50-х и 60-х годах, Чичерин выступал как либеральный консерватор, решительно борясь с крайностями либерального и радикального общественного мнения. Поскольку же власть стала упорствовать в реакции, Чичерин выступал как консервативный либерал против реакционной власти, в интересах государства отстаивая либеральные начала, защищая уже осуществленные либеральные реформы и требуя в царствование Александра III и, особенно энергично и последовательно, в царствование Николая II коренного преобразования нашего государственного строя.

Таким образом, Чичерин в своем духовно-общественном делании никогда не переставал неразрывно сочетать консерватизм и либерализм, являя в этом отношении самую законченную и яркую фигуру в истории духовного и политического развития России.

Как ясно Чичерин понимал значение начала свободы для будущего России, показывают следующие его слова, сказанные в самый разгар освободительных реформ, именно тогда, когда он выяснял русскому обществу, "что такое охранительные начала?" (так и озаглавлена цитируемая нами статья):

"В руках консерваторов-рутинистов существующий порядок обречен на падение... Насилие производит раздражение или равнодушие. Только мысль, созревшая в самом человеке, дает ту силу воли, то самообладание, которые необходимы для разумной деятельности. Поэтому в настоящее время (1862 г. — П. С.) в том положении, в котором находится Россия, дело первостепенной важности — возникновение в обществе независимых сил, которые бы поставили себе задачей охранение порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания. Если эта энергия появится не только в правительстве, но и в самом народе, Россия может без опасения глядеть на свое будущее"¹.

Эти слова звучат в наши дни не только как свидетельство современника или исторический документ, но и как подлинное историческое пророчество о крушении, постигшем Россию.

---

¹ "Несколько современных вопросов", стр. 151 и стр. 162. Любопытно отметить, что этот сборник интереснейших и блестяще написанных публицистических статей Чичерина, выпущенный в свет в 1862 г., в 1897 г., т. е. через 35 лет, не был распродан и продавался у издателя К. Т. Солдатенкова — факт, показывающий, как равнодушна была русская читающая публика к политическим идеям такого мыслителя, как Чичерин.